

Мемориал

Чернов Николай

Николай Чернов

Мемориал

«Автор»

2002

Чернов Н. М.

Мемориал / Н. М. Чернов — «Автор», 2002

Это мемуары видного тургеневеда и краеведа Николая Михайловича Чернова. Книга разбита на главы по годам, где отражаются все наиболее важные события года. Много внимания уделяется работе автора в Отделе культуры ЦК КПСС.

© Чернов Н. М., 2002

© Автор, 2002

Николай Чернов

Мемориал

Николай Михайлович Чернов
(1926-2009)

Н. Чернов

Николай Михайлович Чернов партийный работник, писатель, литературовед, один из ведущих исследователей жизни и творчества Тургенева в мире, в особенности – родствен-

ного и ближайшего окружения писателя; специалист по дворянской генеалогии. Исследователь Орловского края (культурология, "дворянские гнёзда", историческая библиография).

Родился в 1926 г., в д. Удерево Колпнянского района Орловской области. Из семьи крестьян с 200-летней родословной. Окончил филологический факультет в Орле, аспирантуру на кафедре литературы и искусства в Академии общественных наук в Москве.

Более 30 лет на партийной работе. Сначала лектором в Орловском обкоме КПСС. В 1962 году после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС, его пригласили в ЦК КПСС, где он проработал до 1989 года в Отделе культуры, на должности инструктора, помощника зав. Отделом, руководителем группы консультантов. Был одним из инициаторов создания Советского (Российского Фонда культуры).

Будучи студентом, увлекся литературным краеведением, изучал места, связанные с жизнью и творчеством литераторов уроженцев Орловского края. На основе собранных материалов написал книгу «Литературные места Орловской области» (1959), которая выдержала три издания. Последнее из них вышло под названием «Орловские литературные места».

В дальнейшем литературные интересы Чернова сосредоточились на изучении жизни и творчества И.С. Тургенева, уроженца Орла. Николай Михайлович был одним из инициаторов и участников восстановления музея в родовой усадьбе Тургенева «Спасское-Лутовиново» По его инициативе с 1992г. Стал издаваться сборник трудов «Спасский вестник».

После ухода на пенсию, почти до самой смерти, работал научным консультантом музея – заповедника И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново».

Автор более чем 100 публикаций на указанные темы, преимущественно в повременных изданиях. Наиболее известны его работы: "Об одном знакомстве И.С. Тургенева" ("Вопросы литературы". 1961, N8) и "Повесть И.С. Тургенева "Первая любовь" и её реальные источники" ("Вопросы литературы", 1973, N 9). Эта – переведена на основные европейские языки.

Книги: "Орловские литературные места", три издания (1959, 1962, 1970); "Записки охотника" И.С. Тургенева. Изд. "Прогресс", 1979 (на англ. яз.) – комментарий, летопись жизни, составление, подбор ил.; "Записки охотника" И.С. Тургенева. Изд. Наука. М. 1991 (серия "Литературные памятники" – ответ. ред. издания, один из авторов комментария). "Орловские пренумеранты". Орел, 1987.

Жизни и творчеству Тургенева посвящены четыре книги Чернова: «Спасско-лутовинская хроника: 1813 -1883» (1999), «Тургенев в Москве» (1999), «Провинциальный Тургенев» (2003), «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» (2003). Николай Михайлович написал книгу об истории его родного Колпнянского края Орловской области.

Н.М.Чернов – собирал печатные материалы об И.С. Тургеневе и его окружении. Скомплектовал справочную архивную картотеку биографических сведений о писателе и его спутниках (есть машинописный указатель картотеки). Был увлечен изучением малоизвестных фактов из жизни Тургенева, т.н. "белых пятен", апокрифических событий из его биографии и творчества.

Награжден орденом «Дружба народов», двумя орденами «Знак почета», многими медалями.

Автобиографическая хроника Н.М. Чернова.

Отдельные события, факты, современники, встречные люди.

По памяти, бумагам и устным свидетельствам.

1926

В январе – свадьба родителей. В эти дни оттепель, лужи. Наутро гости, опохмелившись, вышли из душевной хаты на улицу, чтобы повеселиться на просторе. "Худощекий", брат Танюхитёщи, (Петр Матвеевич Рыбин), выходя, одел по ошибке полшубок дяди невесты, свата "схо-

датого", Селиверста Мироновича Псарева. Начал плясать, падает наземь. Был хорошенько пьян. Полушубок весь мокрый, в грязи. Зрители смеются, а Селиверст – хохочет пуще других.

Потом, узнав свою одежду, разозлился. Хотелось хоть на ком-то сорвать сердце. Тоже изрядно выпивши. Беспричинно ударил по щеке собственную жену Варвару – она тётка жениху. С трудом успокоили буяна. Опасались только, что на обратном пути домой исколотит Варвару Павловну, некому будет заступиться.

Я родился в том году, 14 декабря, в доме деда Дмитрия, на Удеревке. По словам матери, к вечеру того дня. Говорят, что роды были тяжелые. Посылали за опытной "повитухой" полячкой Броней, в Тимирязево. Сын ее, известный в здешнем краю активист Федька Бронин. Броня сказала потом, что мальчик находился *слева, что считалось хорошей приметой*.

Крестили 19, в Николин день, в Колпне. Восприемник Егор Михайлович Киреев (1909-1988), крестная мать – Катюха (Екатерина) Киреева, жена другого двоюродного брата моего отца – Петра Григорьевича Киреева. С болью душевной вспоминаю свою страдалицу-мать: как трудно ей было в малознакомой ещё семье, при требовательной свекрови (рис. 1). Хата в одну комнату и чуланчик, четыре мужика (два из них деверья-юноши), две девочки – сестры мужа, маленькие еще. Восемьero одновременно садились за стол. Ели из одной большой чашки. Черпали строго по очереди: по старшинству. Нарушить правила – ни в коем случае! Каждый кусок провозжался внимательным взглядом.

1927

Под Рождество родители переехали жить на Хутор-Лимовое, к деду Антону. Они с мачехой остались одинокими. Сами приглашали к себе молодых, переманивали. Но и там оказалось не сладко: гонимым теперь стал мой отец. Танюха-теща – не родная мать. Зятя невзлюбила. Стало понятно: и отсюда придется уезжать. Куда? Похоже, тогда наш отец и решился на *раздел* имущества со своим родительским семейством. Раздельная запись у меня сохранилась. Датирована 21-м февраля 1927 года. Там и я упомянут аз грешный, в качестве одного из претендентов на долю в наследстве. Отцу нашему с семьей достались: старый овин (из него потом был сооружен амбар на новой усадьбе). Он стоит теперь без крыши. Шкаф, зеркало, кровать, ржи 27 пудов, овса 10 пудов и на 35 рублей – обязательство отработать. Оговорена и доля в общественном землепользовании – в 1/6 того, что приходилось всему семейству на их крестьянский двор. Лошадь двухлетка, *дрожки* под упряжь. Упомянутый шкаф, застекленный, хранился и переделывался до 2000 года: считали ценностью. Его некогда изготовил по заказу лучший деревенский столяр Никита Логвейч Панов, уехавший потом навсегда по переселению в Сибирь.

Первый проблеск памяти: привезли меня из Хутор-Лимового на побывку к Черновым, к деду Дмитрию, по патриархальной привычке, чтобы отучить ребенка от материнской груди. Родители пока оставались на Хутор-Лимовом. Бабка Павлиха (Чернова) давала младенцу соску из пережеванного черного хлеба, который сдабривали сахарным песком. Засовывали ее малышу в рот. Годовалому ребенку предлагалось и свиное соленое сало, тонкими лепестками. Родительский сахар хранился в мешочке на полке. Повзрослевшие дяди и тетки в шутку именovali этот запас "казной". То есть, привезли меня как бы со своими *харчами*. Алексей, брат, как-то при случае заметил, что дед и бабушка Черновы тогда проявили исключительную скардность в отношении молодой семьи. Впрочем, не нам их судить: они были обязаны подумать о *четырёх* других своих малых еще детях.

1928

Всю весну и до конца лета продолжали строиться на новой усадьбе, в 2-х верстах от Удеревки. Поселок предназначался для молодых семей крестьян-отделенцев. Он располагался

на упраздненной барской усадьбе В.А. Каширениновой. Наш отец соорудил скромное строение из подручного материала: глинобитная хата, амбарчик, примитивный погреб-яма, хлев-закутка из самана. Мать уже ожидала второго ребенка. Окончательно на жительство в Калугу (самоназвание поселка, барская усадьба именовалась *Луговое*) переехали лишь к осени.

Алексей родился 29 августа 1928 года в Колпенской больнице. Увы, бывшее земское здание уже снесено. Осталась лишь его фотография. Вероятно, в тот год меня часто оставляли у бабушки на Удеревке, где имелись две няньки – девочки-тетки. Смутно помню какие-то самодельные игрушки. Соседние мужики любили подтрунивать над двухлетним шустрим мальчиком. Тот плясал им на потеху. Одного из соседей, по прозвищу Аким-пузатый, малыш называл по-своему: "Аким-пуа". Потому как свободно еще не говорил.

1929

Год ушел на обустройство. Невообразимые трудности. На новом месте всем надо было заводится с нуля. Лошадь еще молодая, работать в полную силу на ней нельзя. Приходилось обращаться к деду. С "хуторскими" стариками в контрах: те обиделись. Жаль покойных теперь моих родителей. Жизнь жестоко закаляла их, иначе бы не выдержали того, что им еще предстояло впереди.

1930

Началась коллективизация. Лошадей неохотно сводили на общий двор. Земля вновь объединилась в единый "клин". Мы тоже долго не отдавали свою лошадку, именуя ее "стригунком". Телеги не было. Использовался инвентарь удеревского деда. Помню, однажды поехали мы с отцом на двуколке в Песочный верх за щебнем. Мне было года 4 не больше. Отец залез в штольню-углубление копать песок и его там привалило. Ребенок испугался. Но обошлось все благополучно.

Так называемых «единоличников», кто отказался вступать в колхоз, в нашем поселке из 25 дворов было всего два хозяйства Иван Лукьяныч и Фёдор-касаток со своей «Верой Ванной». Наша сестренка Вера, родившаяся в начале 1931 года, названа в память давно умершей бабушки Веры Никифоровны, в девичестве Пановой, из удеревского же семейства «Михалинских». Наш черновский дом именовался «Ефимовские», по прадеду Ефиму Андреевичу.

Вера-сестра родилась уже во вновь построенной хате в посёлке Калуга, Условия для родов самые неподходящие, если не антисанитарные. С болью в душе вспоминаю страдальцу свою мать. Повитухой пригласили соседку, бабку Анюту (Анну Тимофеевну), жену Андрея-красного (А.А. Никишина). Явственно помню маленькое сморщенное личико новорожденной сестренки, её голову "толкачиком". Мне уже пошел тогда пятый год.

1931

Началось "раскулачивание". Беда свалилась и на семью деда Дмитрия – он попал в список зажиточных. Все отобрали, скотный двор превратили в общественный, в хате обосновались конюха и сторожа. Нахальничали, самовольно лезли в печь и тащили оттуда съестное. Семья деда вынуждена ютиться в чулане.

Несчастье сблизило "молодую" и "старую" семьи. Дед перевез к нам в Калугу кое-какое барахлишко, в надежде сберечь. Отец мой был вне опасности: бывший красноармеец. Но все-таки побаивался. Около нашего амбара поставили дедову молотилку, ее еще в то время не отобрали, веялку, еще что-то. Укрыли все это *вертем* от посторонних глаз, детям велели

молчать. Но я потихоньку показывал добро сверстникам, хвастался. Этот порок рано у меня проявился.

1932

Вначале в Калуге образовался отдельный от Удеревки колхоз имени Крупской. Иван Михалыч Панов – председатель, сосед Андрей Ульянович – бригадир, наш отец стал счетоводом. Конный двор у Егора-баяна (Е.А. Никишина). Хозяин этого подворья теперь *Мишка-пехал*. Поначалу почти ежедневно ходили посмотреть и подкормить бывшую свою лошадь. До сих пор мы с Алексеем вспоминаем их клички: "Мальчик", "Косырица", "Дарка", "Горя" и т.д.

Егоров двор вскоре сгорел. Еле спасли лошадей. Поджигатель, как говорили шепотом, сам хозяин, чтобы вытеснить колхозную толкучку. Тогда же вновь воссоединились с Удеревкой, как было и прежде, в одном крестьянском обществе. *Неурожайный 32-й год*. Голод начался еще зимой, но особенно свирепствовал следующей весной. Детские ясли у Федьки Логинова (Ф.М. Панова). Я помню, водил туда Веру и Алексея. Мать уже решалась на меня положить. Тогда же, или следующим годом и Федькино подворье сгорело. Ясли поместили в другой хате.

1933

Как сейчас перед глазами картина: Алексей в коротких подсиненных *замашных* штанишках стоит возле закуток и точит о фундамент стеклышко. Подхожу сзади: – Ты что делаешь?! Перепугался. «*Нозык точу*». "Площадка" для детей, род детсадика, помещалась у соседки Ульяники (Н.У. Степановой). За воспитательницу (она же повар и нянька) – Параха (П.И. Евтюхина), старая дева. Добрая женщина. В этом заведении коротала дни наша меньшая, Вера. Симпатичная была, круглолицая малышка.

Для взрослых в связи с голодом устраивались общественные обеды. Готовился какой-никакой приварок. Хлеб разрезали на "пайки" и вручали кусок каждому – лично. Этим заведовал Гриша Чернов (Гр. Григорьевич). Он из нашего рода, *однодомец*. Руки у него черные от грязи, не мылись месяцами. Тем не менее, каждый ломоть хлеба, отрезав, Гриша *нянчил* на ладони, как бы взвешивая: должно всем поровну. Сам Григорий так оголодал, что той зимой умер.

Отец завел в доме кроликов. Ели кроличье мясо, либо сдавали на шкурки. Их расплодилось в хате полтора-два десятка. Крольчата бегали по хате, земляной пол был весь изрыт и изгажен. Однажды наш рыжий кот внезапно прыгнул и схватил крольчонка. Тот запищал жутко, страшно. Алексей сильно перепугался. Даже заикался некоторое время. Отец рассви-репел, схватил кота, выскочил во двор и грохнул его головой об угол. Вечная коту память!

1934

Поступил в 1-й класс Удеревской начальной школы. Мне 8 лет. Со мной рядом за партами великовозрастные, лет по 15 – Андруха Кондратьичев (А.И. Никишин), Тонька Акимова (А.А. Панова). Из них в живых оставался до последнего времени только один – Федор Москалев (Ф.Г. Новиков). Поселился в Тимирязеве.

Первый мой учитель в школе – Андрей Терентьевич Семенов. Предшествующей зимой в нашей хате устроен «икбез». Отцу поручили обучать неграмотных односельчан. У нас в доме

появились газеты, тетрадки, карандаши, бумага. Невиданное в то время для меня богатство. Вместе с неграмотными парнями и девками я незаметно учился читать и считать. И первые мои книги тоже оттуда, из ликбеза. "Сто тысяч почему" М. Ильина, "Дом веселых нищих" Г. Белых, "Неточка Незванова" Ф. Достоевского, "Детские и школьные годы Ильича" А. Ульяновой. Незадолго до войны появилось издание «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. Эту толстенную книгу я читал и перечитывал в годы войны и оккупации.

Привык просматривать отцовские газеты. Помню портреты наркомов. События, связанные с убийством Кирова. Публикации о "врагах народа" и вредителях. Наши с братом сотоварищи по играм: Пашка-дудор (П.А. Матюхин), Ванька Максимов (И.М. Степанов), Митя (Д.А. Панов), Витька Володякин (В.В. Белокопытов). Ещё несколько. В большинстве своем – старше на год-два.

С Пашкой иногда вели "перестрелку" камнями: он из-за сарая, мы от своего амбара. У него – сложилась трудная судьба: долго загибался в армии, обосновался в Карелии, где нестарым еще умер на сплаве в городе Кемь. Ванька пропал в годы войны бесследно. Кто-то убил. Отчаянный был. У Дмитрия Панова (Мити) жизнь местной обычная: служил матросом, женился на учительнице, женщине достойной. Крепко выпивал. Витька Белокопытов – самый благоразумный – труженик, хороший семьянин. Теперь построился на старой усадьбе нашего деда, где родовой "корень" Черновых с 1830-х годов. Умер в 2004 году.

1935

2-й класс Удереvской школы. Учитель Петр Иванович Бурцев, похожий, по словам моего отца, на колпенского дьячка. Начинал каждый учебный день пением "Интернационала". Отличный бас. И мы ему подпевали. Так и приучил уважать Гимн.

1936

В 3-м классе на Удереvке. Учитель Николай Матвеевич Псарев (+ 1974 г.). Наш дед Дмитрий сильно к тому времени ослаб, часто болел. Бывало, ожидает меня на выгоне, выглядывает возвращение из школы: "Коля, демонёнок, зайди к нам!" Угощал мелкими недозрелыми яблоками, сорванными преждевременно и заквашенными. Иначе оборвут посторонние.

Иногда ночевал у деда. Дядя Иван (вечная ему память – в возрасте 28 лет он где-то погиб в Великую Отечественную войну, безвестно) любил рассказывать длинные сказки. Дядя Митя однажды смастерил для меня из дощечек макет двукрылого самолета-планера. Яблоки у деда в кадке, в холодном погребе. Не погреб, а каменный подвал. Таинственный. Манил меня постоянно. Это – единственное, что теперь осталось из строений того времени. Каменные погреба – самые долговечные сооружения в деревне.

Помню появившиеся у нас дома *взрослые* книги: "Жилин и Костылин" Л. Толстого, "Герой нашего времени" М. Лермонтова, "Города и годы" К. Федина. Отец по вечерам пел солдатские песни-баллады – любимый его жанр (фото 2). Осенью от воспаления легких умер дед – Дмитрий Максимович Чернов (р.1869). Ему только что исполнилось тогда 67 лет (фото 1). Нас повели попрощаться. В волосах умершего деда, к ужасу своему, я увидел ползающих вшей. Содрогаюсь до сих пор, хотя, говорят, это обыкновение для тех покойников, у которых эти твари водились при жизни.

1937

Для ликбеза выписывались газеты. С их первых полос один за другим исчезали портреты арестованных наркомов. Появлялись другие. Хорошо это запомнил, хотя осторожный отец всегда отвечал на мои вопросы уклончиво. Он одинаково недолюбливал и тех и этих.

Начитавшись прессы, я, не знаю уж почему, решил тоже написать заметку. Послал в газету "Пионер", в наш областной тогда Курск, несколько по-взрослому критических фраз. И, о ужас! Ее напечатали (N 89, 28 сентября). Называлась "Районо нам не помогает" и подпись: "Коля Чернов. Колпнянский район". Фотокопия теперь в моём архиве, специально заказывал в Ленинской библиотеке в Москве.

К счастью, отец этой публикации не видел. Он не любил подобных выходов. Попало бы мне. Впрочем, критический отзыв об Удеревской школе был явно запоздалым. Я туда уже больше не ходил. А новая удеревская учительница – Наталья Степановна Павлова газет вообще никогда не читала. Отец, недовольный обучением в родной Удеревке, поместил нас, с только что поступившим в 1-й класс Алексеем, в Ярище. Тамошняя начальная школа размещалась возле сельсовета, в зданиях, построенных свояченицами физика К.Д. Краевича, девицами Клушиными для крестьянской школы. Мой новый учитель – Федор Матвеевич Писарев, болезненный и убогий мужчина, руки поражены параличным недугом. Аккуратен и требователен.

Закончил 4-й класс. В свидетельстве написано, что "с похвальной грамотой". Но ее так и не выдали, чем я немало огорчился. У нас дома часто ночевали ярищенские ученики из родственных каратеевских семей. Их книги (в частности, учебники истории с рисунками средневековых сцен) меня весьма привлекали. Тогда была мода носить по бедности ботинки и сапоги, снабженные деревянными подошвами. Помню наша Шура (А.Д. Чернова, теперь Акулова) щеголяла в таких "деревяжках". Она училась, кажется в 8-м, или 9 классе.

1938

Учусь в 5-классе уже другой, Ярищенской средней школы. Красивое двухэтажное здание. К счастью, сохранилось. Учителей несколько. Классная руководительница Елизавета Алексеевна Внукова, недавняя выпускница, преподавала русский язык. Среди учителей были интересные, хорошо подготовленные педагоги. Помню всех до нынешнего времени.

Мать перед школой купила мне на последние деньги темно синие шерстяные брюки. Одноклассники: Ванька Бондарев (И. Беликов), Маруся Верат, Андрей Русанов, Шура Юдина (дочь директора, теперь Дубровина, живет в Курске).

Митинги в Ярище, на площади. На тему борьбы с "врагами народа". Появились в тот год тетради, где на обложке изображен князь Олег по рисунку, кажется, Васнецова. Будто, там, якобы, были закамуфлированные слова: «долой ВКП (б)!». Мы делали вид, что разглядели это, хотя прочитать напечатанное невозможно. Скорее всего – чье-то злобное воображение.

Впрочем, в нашем доме о происходящем не говорят. Отец строго запретил "приносить с улицы" слухи и пересуды. А они все – равно проникали, как сквозь стены. Нас коснулся только арест в 1937 году близкого человека, дяди Селиверста Псарева (см. Реквием. Том 3.) Орел, 1996, с. 146). Но и это до нашего сознания не дошло. Люди исчезали по ночам, тайно. Впоследствии мы узнали, что был репрессирован Александр Степанович Чернов (р.1896), двоюродный и покровитель моего отца, командир Красной Армии в годы гражданской войны. Он служил потом начальником охраны Харьковского тракторного завода и носил в петлицах «ромб». Шурин, муж сестры, сделал на него ложный донос.

1939

Летом заняты в колхозе, на посильных работах. Бригадиром у нас Павел Степанович Чернов (р.1898). Он обзывает подростков "кашниками": идите есть кашу! Отец и мать уже который год на тяжелых "общих заданиях".

Этой весной выдали замуж Любочку, тетку. Нам всем она особенно нравилась: застенчивая, нерешительная, миловидная. Шура – та посмелее, понастырнее. Любочка, как я понимаю, вышла от отчаяния: некуда голову приклонить. Подвернулся рябоватый матросик, уроженец Тимирязевой. Опытный физиономист – наш отец – сразу заподозрил неладное. Почувствовал в новом зяте авантюриста. Но тот всех очаровал: явился с патефоном, с набором популярных пластинок. Речистый и *развязный*. Последнее понятие в наших местах воспринималось как положительное. И увёз с собой Любу. Доходили слухи, что ей там плохо. Что муж пьет. Но позаботиться было некому, кроме боевой Шуры, посылавшей сестре иногда продуктовые посылки.

По окончании 5-го класса Ярищенской средней школы я опять получил похвальную грамоту. Подписали ее: директор Ф.Е. Юдин, учителя В.Г. Морозов, Е.А. Внукова, А.П. Шульэр. Осенью учусь в 6-м классе. Появились новички: Алешка Митичкин (А. Новиков), Тania и Шура Потаповы, Гуричевы – две девочки из деревни Покатиловой, Митька Каверин. Через месяц я заболел корью. Едва вылечившись, простудился: переплывал через реку за лодкой на другой берег. Шура, не обдумав, подбила меня: ей надо было отправлять посылку с Ярищенской почты.

Осложнение после кори. Тяжелое воспаление, а потом легочное заболевание. Лежал в больнице в Колпне. Целый месяц. Опытный терапевт Алексей Васильевич Михайлов спас меня. Он хлопотал отправить больного в санаторий в Вышний Волочёк, что было нереально. Мать часто ходила навещать. В палате товарищ моих лет – сын колпенской адвокатши Покровской. Больше никогда в жизни я его не встречал.

Отец ездил за медицинской помощью в Курск к служившему некогда в Колпне знаменитому в нашем крае доктору Семену Вас. Суковатых. Отвез баранью тушу. Тот посоветовал давать больному растопленный *внутренний* бараний жир с медом. Пил я это снадобье с отвращением. Мать ходила в Колпну (7 км А.Ч), чтобы купить *коляску* колбасы местного производства, напичканной чесноком. Вроде нынешней «чайной», только ещё хуже. Выпью полстакана препротивного растопленного жира и – кусочек колбасы на закуску.

Употребление жира помогло, либо выздоровел сам собой. Этим летом возвратилась домой несчастная Любочка. Сбежала от мужа. Приехала с крошечным мальчиком. Что ей было делать: ютилась на Удеревке за печкой. Ребенок вскоре заболел и умер. После того и Люба стала *таять*: вероятно, туберкулез. Не помню, когда, но очень скоро и ее похоронили.

Зиму провел дома, учение до следующего года решено не возобновлять. Читал Диккенса "Записки Пиквикского клуба". Мать в утешение купила мне балалайку. Мудрая женщина, что-то почувствовала во мне. Оказалось – был музыкальный слух. Долго потом играл, и на гитаре тоже.

1940

Трудности жизни, голод, нестабильная обстановка, колхозные беспорядки *выдавливали* активную часть населения из сельской местности в города. Уезжали на заработки, вербовались, отправлялись с семьями на переселение в окраинные районы страны. Молодых и здоровых мужиков в деревне почти не осталось. Мать всё время подзуживала отца на сей предмет.

В начале 1940 года он, наконец, решился. С трудом выхлопотал паспорт, подмогарычив друга детства и соседа Петра Васильевича Хоменкова, избранного тогда председателем колхоза. Петька этот мобилизован в 1941 году и погиб на фронте. А отец наш уехал тогда в Алчевск Ворошиловградской (потом Луганской) области. Там двоюродный – Василий Степанович Чернов (р.1903). Мастер наобещать и соблазнить. Но не скор на исполнение.

Отцу там и жить даже негде было – приткнулся у Василия. И работа незначительная: завхоз в средней школе, при мизерной зарплате. Писал сначала утешительные, а потом все более откровенные письма. Прислал пару посылок с разного рода мелочью, в числе прочего в мальчишеской памяти остались две пары коньков-снегурок. Великим постом отец возвратился – притихший и разочарованный. Надо было устраиваться заново. Паспорт есть, опять идти в колхоз не обязательно. Поступил в Ярищенскую МТС машинистом сложной молотилки. Он в этом деле кое-что понимал. Оно и стало его настоящей судьбой. Был хорошим, преуспевающим машинистом. Трезвый, грамотный, трудолюбивый. Таких ценили и в советское время. Когда началась война, ему поначалу даже дали отсрочку от призыва.

Осенью у нас поселился Гриша Азаров (р.1924 г.), сын тетки Ариши, чтобы учиться в Ярище в 9-м классе. Юноша с фантазиями. Мой отец за это его порицал. Родители Гриши – Арина Антоновна (р.1903), моя тетка (А.А. Азарова), и ее муж Степан Иванович были ревностными баптистами. Отец и *этого* не одобрял. Степан Иванович взят на войну и погиб в немецком лагере для военнопленных.

1941

Роковой для страны год начался в нашем семействе мирно. Отец уже хорошо зарабатывал. Меньше нуждались. Дети учатся. Я этой весной закончил 6-й класс – рубеж моей школьной премудрости. Новые друзья (я пропустил год, они помоложе меня) – Володя Пирожников, Тамара Петрова (отличница и мне нравилась), Толик Петров, Володя Русанов – сын классной руководительницы Анны Исидоровны Кузьмич. Учителя в основном прежние – только новый историк, горбатенький Егор Алексеевич Соловьев. Прошлогодня Е.А. Внукова куда-то уехала.

О начале войны я узнал, будучи в Колпне на базаре. Ходили туда за чем-то с матерью. Заполненная народом площадь сразу опустела. Послышался сдавленный плач. Через несколько дней половина мужчин призывного возраста покинули свои дома. Иные – навсегда. 70 с лишним человек из нашей деревни погибли на фронтах. В среднем по одному на каждый дом.

На Удеревке и в нашей Калуге (по свидетельству Алексея) услышали о начале войны от Павла Стефановича Чернова, который тоже зачем-то ездил спозаранку в Колпну. Пока распрягал лошадь, спешно оттуда вернувшись, весть разнеслась словно молния. Радио-то не было! Для нас, мальчишек, начало войны связано с мобилизацией колхозных лошадей – водили их на смотр в Тимирязево (сельсовет был там). Забирали лучших. С иными любимыми конями прощались трагичнее, чем с родственниками. Подростки понимали: эти уж никогда не возвратятся. Мне очень было жаль своей любимой гнедой полукровной кобылки. В эти же дни на лугу и на выгоне молодежь рыла траншеи, чтобы прятаться при бомбежках. Руководил работами все тот же легкий на подъем П.С. Чернов (+1978).

Осень. Сгорел элеватор в Колпне. Арест Ярищенского учителя, этнического немца Антона Антоновича Шнейдера. Пущен слух: за поджог элеватора. Теперь понятно – НКВД уничтожило его по приказу, как «стратегический объект». А арест – общепринятая "зачистка" от ненадежных элементов. А.А. Шнейдер сидел в Брянской тюрьме, через два-три месяца

выпущен на волю внезапно прорвавшимися немецкими войсками. Поступил к оккупантам на службу и приехал в Ярище за семьей в немецкой форме. Сын его Отто служил в Красной Армии, оттуда его этапом направили в лагерь. Умер там от дистрофии.

Первые дни войны по воспоминаниям отца в 1974 году: "Окончательно узнали в понедельник. И в это же утро повестки: Гавриле и Володяке Белокопытовым, Павлу Чернову. Все трое – с точки зрения военкомата – старики. Что такое? Почему? Оказывается, понадобилось срочно сколотить военкомовское *сено*. 4 августа уже многие получили повестки. Разносили по ночам, чтобы не тревожить народ. Накануне вечером стук в дверь: Иван Алифатыч. "Михаил, тебе повестка". Я по всем нормам – старик, 40 лет. Встали чем свет. Резали кур, мать пекла лепешки. Дети спят, не знают. Утром Вера (ей было неполных 10 лет) увидела ощипанных кур, поняла, заплакала. В этот же день повестки получили Егор Никишин (р.1900), Игнат Новиков (Кузин, р.1901). Наша мать и Агриппина (Грыпка), жена Егора, повезли новобранцев в Колпну. На сборном пункте – в школе и в больнице – народу тьма. Думаю, дай пойду к директору МТС, где я тогда работал, и сообщу о призыве. Директором был Матвей Федорович Рыжих. Он в это время *жес* документы. "Как в армию?" – заорал на меня. – Нам хлеб нужен! Иди домой, а я позвоню военкому".

Прихватил попутно запасной ремень для *сложки* на складе МТС. Увидев меня, мать засмеялась сквозь слезы: ты что – на войне думаешь молотить? Тут меня опять позвали к директору: "Возвращайся на рабочее место!" Мы с матерью курёнка Егору отдали и – домой. На другой день вышли на молотьбу. Галя, Игнаткина жена, в период раскулачивания завзятая активистка, кричит на весь ток: «Кто воевать, а кто домой! Побьют наши мужики тех, кто дома остался».

15 октября велели сдавать ремни (ценность!) и идти отступать. Зашел домой искупаться и – в путь. В Ельце на формирование только нас вдвоем с Сашкой Митрофановым (Ивана Семеновича сын) послали: я – кадровый, обученный, а он молодой, имел отсрочку как *односельнец*. Другие дезертировали из Ельца еще до формирования. Отправили в Тамбов. Нас с Сашкой развели по разным командам. Перед расставанием ему очень хотелось повспоминать про нашу деревню, все дома перечислил. Уезжая – плакал. Словно чувствовал, что убьют. Так и случилось. (Записано 8 января 1976 года, пос. Калуга).

В конце октября 1941 года открылось повальное бегство всех, кто еще оставался в районе. Особенно актив и партийные. Называлось *эвакуация*. Население принялось грабить колхозы и совхозы, а под конец – магазины, склады и прочее общее достояние. Тащили сбрую, стройматериалы, запчасти, инструмент, зерно и все остальное. Зачем-то разобрали хороший дом К.Д. Краевича, в котором помещалась контора совхоза. Использовали на дрова Удеревскую начальную школу, сооруженную в 1905 году помещиком Д.А. Челюсткиным из хорошего дубового сруба. Ей бы век еще стоять. Разобрали, конечно, не немцы – местные жители.

Скот власти организованно угоняли на восток. Но и тут – крали, резали, меняли свою худобу на угоняемых хороших коров. Такая же "растащилка" повторилась в 1991-92 годах. Мы с Алексеем осенью 1941-го запаслись не молочной рожью, сложили порядочный ометец. Наломали досок в совхозе, в конюшне, с потолка. Потом дед Антон соорудил из них первый в нашей жизни деревянный пол в хате. До того был земляной.

По дорогам потянулись *вакуированные*, так звучало тогда это незнакомое слово. Стада с Украины и Брянщины. Возки с детьми начальства, еврейские семьи. Дома крестьян переполнены постояльцами. Иные оставались надолго, надеясь отсидеться. Женились. Некий Михель (Михаил, торопливо переименовавший себя на немецкий лад), его сестра, шахтер чахоточный, но сумевший жениться на попутной девахе и т.д.

У отца была "броня". Он ушел в тыл 15 октября, с последними частями. Предварительно обратил в негодность свою молотилку и снял самое ценное – широкий приводной ремень. Двигались не торопясь. Явились к призыву уже в Ельце, а могли бы и не являться. Иные по-хитрому возвратились с дороги. Да только – на свою беду. Нас матери посылали с продуктами вдогонку. Мы настигли своих отцов через пять дней, за 25 верст в селе Речица. Я ночевал там, лежал рядом с отцом на полу, на соломе. Засыпая, блаженствовал оттого, что родитель любовно гладил меня по голове. Прощался. Мне тогда не исполнилось еще 15-ти лет. Вся война была впереди.

Хату свою для тепла мы с Алексеем обложили снаружи снопами не молоченой ржи. Завелись мыши. Много в ту осень было мышей – вольный корм. Мы с братом мечтали поймать где-нибудь бесхозного, выбракованного коня. Завести плуг и упряжь. Хотелось похозяйничать. *Немцы появились у нас, я думаю, в декабре.* С морозами и снегом. Множество толков о грабежах. Оккупанты отбирали по преимуществу теплые вещи – валенки, овчинные шубы и тулупы. Отнимали коров, хороших лошадей. Ходили слухи о жестокостях со стороны финнов. Будто, один из них насильно взял к себе Лиду Шешелеву (дочь Ивана Алифатовича). Она была смазливая и довольно легкомысленная девица. *Насилие* - не алиби ли?

К нам в Калугу, собственно – к моей матери – приходили из соседних деревень спрятаться некоторые советские активисты, вчерашние красногвардейцы и члены партии: Петруха Зайцев (Рыбин), Петр Ив. Мариничев, еще кто-то – всех не упомяну. Поселок глухой, в стороне от дорог. Лежали дни напролет на печи. Мать, стиснув зубы, кормила их. Вскоре немцы, стоявшие в Ярище, отобрали у нас хорошую молодую корову. Зарезали и съели. Как горько плакала мать!

В это время зимнее наступление советских войск. Бои в Фошне и Грековой. Слышалась канонада. Появились эвакуированные оттуда, даже – из Ярище немцы выгнали жителей. Лимовскую бабку-калеку ребятишки возят от дома к дому в "ладошке", никто не желал ее у себя пригреть. *Оккупанты отступают* – это звучало сладкой музыкой. Ярище переполнено вражескими частями, покинувшими Елец и Ливны.

Вездесущие мальчишки, и я с ними, нашли в Кривце, около Кольки Бондарева (там теперь нет никаких строений) убитого советского разведчика. В новеньком обмундировании. Видимо, шел, бедняга, на задание. Снега еще нет, но морозно, в волосах убитого блестели снежинки. Домой возвратился Егорка Баян (Е.А. Никишин). Обмороженный. Разнесся слух, что он дезертировал и поморозился, прячась на потолке у сестры в селе Рождественском.

26 декабря наш отец тяжело ранен под Белевым. Зимнее наступление под Москвой. Их часть безуспешно пыталась форсировать Оку. Отец служил тогда в 1148 полку 342-й стрелковой дивизии 61-й Армии. Рядовой, ездовой. К концу войны дивизия именовалась 121-й гвардейской Гомельской. В моем архиве имеется послевоенная копия неизданной истории этой дивизии. Отец и его товарищи попали в тот вечер 26 декабря под минометный обстрел. Двойное ранение в ногу и контузия головы. Эвакуация мучительно долгая, лечился полгода в госпитале в Красноярске.

1942

Холодная и снежная зима. Война, как казалось, продолжатся уже вечность. Немецкая комендатура обосновалась на Удеревке, во главе с красномордым пожилым обер-лейтенантом. Спесивые и высокомерные тевтоны. На русских смотрят как на дикарей. Когда надо – выгоняют из хат, чтобы не мешали и не разводили блох. Вскоре появились и в нашей Калуге. Какой-

то хозяйственный взвод. Разместились по 3-5 человек почти в каждой хате. Быстро обвыклись. Соорудили нары: не на *зemi* же спать? Через неделю мы в своих разговорах называли постояльцев – Отто (судя по всему – фабричный), Вилли-карнаухий, второй Вилли – кулак и выжига из Померании и т.д.

Первое, что выяснилось – у нас нет ожидаемой ненависти к немцам. Разве что непривычный, но вовсе не отвратительный солдатский дух: пахло кожей, кофеем, сапогами. Второе впечатление – множество неведомых нам прежде вещей. Сельские жители из русской глубинки впервые увидели, *как и что* они едят, как по утрам тонко и прозрачно намазывают хлеб маслом, что приносят с солдатской кухни и каким образом с этим управляют. Наблюдательность голодных детей. Увидели "европейские" причиндалы: бутербродницы, фляжки, котелки удобной формы и с крышками, ранцы, хорошо и рационально прилаженную амуницию. Саперные лопаты в чехлах.

Воинская кухня помещалась у Логвеича (А.Л. Панова). Немцы развлекались, поднося пожилому уже хозяину литровую консервную банку шнапса. И наблюдали: когда упадет? А он, осушив залпом, как ни в чем небывало продолжал колоть для кухни дрова. Однажды наши квартиранты по ошибке послали меня вторично за обедом. Убедившись в промахе, решили угостить нас, в сущности – детей. Так мы попробовали напиток под названием *суфле*. Дрянь порядочная. Зато с удовольствием съели рисовый пудинг (и слов таких прежде не слышали) со сладкой подливкой.

Летом началось успешное немецкое наступление. Атмосфера тотчас изменилась: немцы вели себя с населением жестко, депортировали целыми селениями и даже казнили без колебаний. Стоящий в нашем поселке взвод стал нести потери: то одного, то другого вчерашнего постояльца объявляли убитым. Тут же печатались типографские траурные извещения, и мы уже рассматривали лица уже известных нам немцев в чёрных рамках.

Вскоре эвакуировали и нас. Середина мая. Успели посадить на огороде картошку. С узлами в руках и на тачках целой процессией потянулись в Колпну, на железную дорогу. Мать плачет, видя, как тяжело было мне, старшему, катить по грязи одноколесную таратайку. Людей погрузили на открытые платформы. Высадили всех на ближайшей станции *Касоржа*, в 20 верстах. Оттуда, опять своим ходом еще верст за 20 на запад, в село Нижний Щевец, Золотухинского района Курской области. Там и разместились по хатам.

Было тоскливо и голодно. Осмотревшись, некоторые ухитрились уйти пешком домой. Небольшой местный военный успех позволил немцам ослабить режим. Выждав время, мы тоже двинулись деревнями, через Нетрубуж, в свою сторону. Нашли заросший травой огород, открытые и пограбленные ямы – схроны. Немцы хозяйничали не одни, им помогали и русские. Тот же "Михель" (Бакулин) и даже сосед – Санька Белокопытов, по кличке Самец. После войны он спешно уехал, и долгие годы боялся показываться на родине.

Этим летом с Донбасса, тоже пешком, возвращались односельчане, когда-то эмигрировавшие туда семьями на заработки. Благо у большинства хаты сохранились. Наши соседи Ульяновы (семья А.У. Матюхина), Максимовы (Степановы), растерявшие по пути своих близких, некоторые из Белокопытовых, многочисленное семейство Гришки Матюхина. Первая весть с войны от нашего отца: удеревский житель, Федор Строгов, явился из Должанского района, вторично занятого немцами. Прятался там в погребе. Рассказал, что видел весной отца в Ливнах на костылях. Тяжелораненый. Мы узнали эту новость от заполошной Натальи (Ульянихи). Она слышала Федькину исповедь. Прибежала и кричит: "Манька, твой Михаил в Ливнах без ног ползает!" Сообщенное ошеломила нас, хотя, разумеется, всего ожидали.

3 февраля. Наша армия после Сталинграда с конца января и в орловских краях начала продвигаться на запад. С небольшими боями в обозначенный день были освобождены от оккупантов Колпна и часть района. Накануне ночью со стороны Ярища слышались необычный шум, скрип саней, громкая матерная русская ругань.

11 февраля. Солнечное зимнее утро. Вдруг открылась дверь, и вошел отец, которого мы не видели с октября 1941-го. О его судьбе было только устное известие, что, мол, ранен и *без ног* живет в Ливнах, которые взяты Красной Армией ещё в декабре. Отец предстал перед нами действительно на двух костылях, какой-то бледный. И костыли некрашенные, белые. Вера, сестра, тогда еще маленькая, сразу узнала отца и громко заплакала. А я сидел, молча, и продолжал машинально свою работу: шил из немецкой кожаной сбруи какую-то обувь. Отец, присмотревшись, спросил, указывая на меня: а это – кто же? Вера, засмеявшись сквозь слезы, ответила: папа, да ведь это наш Николай! Родитель, конечно, меня не узнал – так изменился за полтора года.

Из рассказа отца в 1988 году о событиях того памятного дня: утром 11 февраля, около 12 часов, я сполз с ливенской автомашины на окраине Удеревки, около дома Зимихиных. Серёжка (подросток-сын Зимихиных) меня встретил. Он сообщил, что семья моя цела, хотя всё немцы отобрали. Потом набежали бабы, человек 10, ведь *я был первым* из деревни, кто возвратился с фронта. Начали спрашивать о своих. Будто я мог знать. Потихоньку добрал до своего родительского дома. Моя мать (бабка Павлиха) встретила, постарела за эти два года. Собрала на стол какую-то еду, даже поднесла стаканчик самогона, хотя знала, что непьющий.

От матери направился к себе, в Калугу. Слух по Удеревке уже разнесся. Поджидали почти у каждого дома. Иван Семёнович-лысый (И.С. Митрофанов) вышел со всей семьей, узнавши, что его *Сашка* находился в армии вместе со мной. Нечем мне было их порадовать. Дальше, на калужанской дороге навстречу группа подростков с лопатами, предводительствуемая Колей-богом (Н.И. Пановым). Шли чистить колпенскую трассу от снега. В группе – наш Алексей. Не сразу его узнал. Длинный вытянулся, какой-то носастый. Он возвратился, и мы пошли с ним домой вместе.

Зайдя в хату, увидел Николая. Тот сидел, не проявляя признаков радости. Ну, я и подумал: может квартирант? Одет чисто, в каком-то немецком френчике...

Март месяц. Хата наша переполнена мужчинами, призванными в армию. Шло формирование свежих частей. Выяснилось, что при немцах в деревнях накопилось много военнообязанных, по разным причинам уклонившихся от призыва. В нашей хате ночуют десятка два новобранцев в возрасте от 20 до 50 лет, жителей Нетруббежа, Мисайлова, Красного. В разномастной, хотя и справной одежде. С увесистыми мешками, наполненными снедью. Почти все они погибли в боях на Курско-Орловском фронте. Их бросали под огонь безжалостно, не жалели. Дескать, «отсиделись» при немцах.

В нашем семействе тогда еда была проблемой. Помню, как мы с Алексеем ходили искать туши убитых замороженных лошадей, отрубали куски получше и – варили. *14 апреля.* Десятка два юношей и девушек-подростков из окрестных деревень мобилизованы для отправки на работу в тыл. Я в их числе. Тех, кто не дорос ещё до службы в армии. Матери и близкие провожали нас до Колпны, а иные и дальше. Никто из нас, и я в том числе, не осознавали тогда, что это *рубеж* в жизни каждого.

Двигались пешком по Тычинскому большаку на Русский Брод, т.к. иной возможности выбраться из Колпны на железную дорогу тогда не было. Шли трое, или четверо суток. Проселки и поля уже просохли. Помню лежавшие по обочинам почерневшие, мумифицированные тела наших солдат, не захороненных после осенних и зимних боев. Первая ночевка в Ушаковой, по хатам, вторая – в пустых помещениях Нижне- Жерновской МТС. Там я выгравировал

на своем алюминиевом котелке разные памятные надписи. Котелок потом потерял. Если кто нашел, наверное, доискивался, чей это автограф?

Приблизившись к станции Русский Брод, попали под налёт немецких аэропланов. Из нашей группы, кажется, никто не пострадал. Говорят, что разбомбили эшелон с советскими ранеными. Мы же разбежались, кто куда и соединились вместе в соседнем селе *Пеньшино*. Там жили с неделю. Прослышав о случившемся, к нам туда пожаловали гости – матери, сестры, другие родственники. Ко мне мать приходила с домашней едой. Я еще подумал тогда: увижу ли ещё ее?

Дальше эшелон двигались на Урал. Целый месяц. Отдохнули и откормились. Хлеб, сливочное масло, сахар – давно от этого отвыкли в оголодавшей деревне. Развлекались в пути, веселились, начались амурные игры. Вместе собралось столько молодежи. Сопровождал нас представитель обкома комсомола некий *Илья Болотин*. Семит. Он очутился после войны в Колпне, работал пропагандистом в райкоме партии. Давно уже умер.

Прибыли в Магнитогорск в середине мая 1943-го. (Но согласно официальной справке: «зачислен в систему государственных трудовых резервов в апреле 1942 года»). Нас всех определили в школу ФЗО N 1, что на окраине города в поселке Щитовой. Двухэтажные стандартные общежития 30-х годов. Впервые сельские ребята очутились в обстановке незнакомого городского быта, с водопроводом и клозетами внутри помещений. Что там творилось, пока не привыкли, уму непостижимо! По утрам *моча* ручьем стекала по лестницам. Клозетами не умели пользоваться.

Обучения, в общепринятом смысле, никакого: каждое утро очень авторитетный в школе старик-мастер Константин Николаевич Шубин, сам эвакуированный судостроитель из Мариуполя, нестройной колонной водил нас на комбинат, где распределял на подсобные работы. Сколько куда и кому требовалось. С месяц я *вырубал* отбойным молотком с закругленным зубилом заусенцы и трещины из стальных болванок, предназначенных на раскатку танковой брони. Потом помогал электрикам на прокатном стане 250. Несколько недель был подсобником на строящейся ТЭЦ у опытного монтера-коммутигачика Красножона, родом из Воронежа. Помогали гнуть полые трубы, наполняя их для жесткости песком. Прокладывал освинцованные провода марки СРГ ("сергиенчики") и т.д.

Незаметно для себя я оказался на роли *старосты* в группе Шубина. Мастер меня выделял за понятливость и хорошую дисциплину. А также за то, что без колебаний принял на себя многие его обязанности. Старику было трудно, болел. Впоследствии мне стало известно, что мечта Шубина возвратиться в свой любимый Мариуполь не сбылась: умер в конце войны в окопанной Магнитке.

Сентябрь – по собственной фантазии поступил в вечерний техникум при металлургическом комбинате. Учение и там получилось чисто "декоративным". Для видимости. Зато приносили пользу фронту: изготавливали снаряды для минометов. Мне выпало крепить с помощью точечной сварки стабилизаторы к минам.

3 октября награжден грамотой Главного управления трудовых резервов при СНК СССР и ЦК ВЛКСМ как отличник Всесоюзного социалистического соревнования. Грамота подписана начальником Главка Петром Москатовым и Секретарем ЦК ВЛКСМ Н. Михайловым. П. Москатов – личность харизматическая. Избирался впоследствии на съездах партии председателем Ревизионной Комиссии КПСС.

Октябрь – принят в члены ВЛКСМ. Выдали временный билет, а постоянный получил только в 1944, в Ельце. С ноября 1943 г. по январь 1944 г. при знаменитом Ремесленном училище N 1 г. Магнитогорска занимался (стационарно) на курсах повышения квалификации мастеров производственного обучения системы трудовых резервов. Подготовка велась всерьез.

По окончании мне вручили "грамоту" и после этого стал уже полноправно замещать своего часто болевшего мастера Шубина.

Очередная фантазия: написал и послал в Москву письмо с просьбой направить меня в порядке *резэвакуации* в освобожденный Орел, на родину. Уловка, по-видимому, удалась: в опустошенном Орле создавались ремесленные школы.

1944

Официальный *вызов* (это был грозный в годы войны документ) поступил в начале января. Наш сановитый директор школы ФЗО Георгий Вас. Бирюков, которого мы вообще редко видели, вызвал меня и велел готовиться к отъезду. Выписал скромную сумму денег, заказал билет. Бирюков не мог ослушаться Москвы. Сочувствовала мне и замполит Полина Ходош, помогала советами как легче уехать (они с Бирюковым после войны возвратились в свой Днепрпетровск, где заняли должности областного ранга). Добывала пропуск, без которого в военное время въезд в центральную Россию не разрешался.

Из Магнитогорска отправился в марте. Пересадка на московский поезд в Челябинске. Вторая – уже в сторону Орла и Курска, кажется, в Роннебурге. Дня три (но не месяц же!) тащился в общем вагоне с какими-то циркачами, возвращавшимися с гастролей. Подкармливали они меня и снабжали дельными советами.

В Орле не выходил, устремился к родителям. Был ещё домашним юнцом. Проехал Орёл до ст. Малоархангельск. Оттуда два дня пешком – до Ярища. Помню первую ночевку в Подгородней слободе, вторая – в Ефросимовой – это уже Колпнянский район. Самое половодье, разлив рек и бездорожье. Через речку против нашей Калуги перевёз Шурик Белокопытов, на лодке, едва до него докричался. Нагрелся домой внезапно. Алексей и меня удивил: ещё более возмужал. Слез с печки и произнес басом: "Здорово, Николай!"

Две, или три недели жил дома. Отдыхал. Наслаждался. Радовал близких рассказами и надеждами. Отец советовал не задерживаться, не рисковать. Законопослушным был наш дед. Моих прошлогодних из нашей деревни попугчиков до Урала, кто успел еще раньше *сбежать* самовольно с Магнитки (как, например, удеревцы – Колька Митрофанов, Шурка Никишин, Инокентий Панов), дома уже никого не было: кто тут же оказался вновь мобилизованным – иные опять в ФЗО, другие в армию. Смотри по возрасту и комплекции.

В середине апреля неохотно отправился в Орел. Как ехал туда – не помню. Немцев выгнали из Орла полгода назад. Тяжелые были бои. Впечатления от разрушенного города *шокирующие*. Сплошные руины. Областное управление трудрезервов в маленьком домике на ул. Московской. Представился Петру Семеновичу Малахову, начальнику облуправления (впоследствии он сыграл памятную роль в моей судьбе), его заместитель по политчасти Николай Александрович Жаров (все находили его внешне похожим на изображения Геббельса с карикатур Кукрыниксов). Оба руководителя, жалея меня, посоветовали принять назначение в Елец, мастером в школу ФЗО, куда я и выехал той же ночью.

Здесь первым моим *опекуном* стал Иван Захарович Андропов, директор только что образованной школы ФЗО N 4. В кожаном пальто, здоровяк, краснослов, недавно демобилизованный по ранению летчик. У Андропова вакансий, однако, не нашлось. Посему я очутился даже в более престижной, только что созданной ФЗО N 8, размещавшейся в лучшем в Ельце здании, бывшей гостинице купца Попова.

15 апреля 1944 года – принят на должность мастера производственного обучения. Директор здесь временный – старший мастер Семен Алексеевич Баранов, бывший шоферюга, анекдотчик и бабник. Секретарша Лидочка Богачева выписала мне трудовую книжку, действующую по сию пору. Лидочка долго потом, и безуспешно, строила глазки. Но мне она не нравилась.

1945

Первый год жил в общежитии школы, в особой комнате для преподавателей. Вскоре появились соседи. Из Перми присланы двое мастеров – мои ровесники, Олег Богословский и любивший выпить Вениамин Рыбаков. Гуляки. Оба профильные специалисты. Окончили техникум механизации сельского хозяйства. Наша ФЗО тоже готовила ремонтников и механизаторов для МТС. Прибывали сюда ученики из освобожденных районов, взрослые уже девушки-трактористки, зрелые мужчины с "броней" и белобилетники. Из деревень.

9 мая – день окончания войны встретил в Ельце. Рано утром необычный шум на улице, громкая музыка из репродукторов. Первый раз в жизни в этот день напился пьян. Собрались праздновать где-то в столовой школы, около городского парка – был там "литерный" зальчик. Шатался потом с пермскими коллегами до позднего вечера по праздничному Ельцу. О том, как прошел первый победный день на моей родине рассказывал позднее очевидец – брат Алексей. Он учился тогда в Ярище, в 7-м классе. Утром директор школы Федор Емельянович Юдин сбегал в сельсовет, куда-то позвонил. Вернувшись, собрал всю школу в актовом зале и, плача, объявил о конце войны. Неожиданные слёзы этого сурового, пожилого человека потрясли учеников не менее чем само известие. В этот же день наши калужанские старики (молодых никого не было, все воевали) собрались у Саньки Ульянчева (А.А. Степанова). Тот недавно возвратился из госпиталя без ноги. Притащили свекольный самогон, какую-то еду. Выпили, плясали. Иван Стефаныч Чернов (ему было уже за 60) вальсировал в обнимку с табуретом.

Начала своей "педагогической" практики в Ельце я не припоминаю: что-то нескладное, ненатуральное. *Май месяц*. Точно не помню, когда именно, но той весной тяжело заболел малярией. Высокая температура, лихорадило. Меня госпитализировали в Елецкую больницу. Находилась она возле рынка, на ул. Советской. Лида Богачева и кастелянша Довнарочич (у этой муж на фронте) навещали меня, заботились, жалели: дескать, молодой еще и неопытный, совсем одинокий. Носили какие-то гостинцы. Время было трудное, голодное.

15 мая. Кажется, в этот день отправился на побывку домой в деревню. Помню, добирался через Касторную. Там пересадка. Удивился, что наш деревенский выгон весь зарос высокой травой. Сколько пробыл дома – запамятовал. Может быть, это происходило после болезни? В школе ФЗО получена новая автомашинка-полупорка. Шофер – Саша с тюремным стажем. Однажды ездили в Долгоруковский район в гости к отцу Семена Баранова. Глубокой осенью командировка в Задонск отыскивать по деревням своих учеников. Чуть ли не отлавливали их. Привезем, а они разбегаются через неделю. Опять едем по знакомым адресам. В ходе этих хлопот познакомился с Ф.С. Мешковым, который являлся тогда 3-м секретарем райкома ВКП (б). Будущий партийный лидер в Орле.

1946

Трудно теперь представить, как мог я выполнять свою миссию наставника-мастера. Ведь, по существу, не знал ничегошеньки. Поначалу, правда, учеников было мало. Да и эти, ни в каком обучении не нуждались. Сами всё знали. Вскоре поступила группа взрослых, бывшие работники МТС из западных районов Орловщины. Среди них даже опытные механики, бригады тракторных бригад. Смотрели на своего юнца-мастера, улыбаясь сквозь усы.

С этой группой прибыл *Андрей Семенович Грушин*. Золотые руки, обстоятельный, опытный специалист. У него семья, дети. Потом он охотно мне помогал, пытаясь компенсировать неумелость квази-учителя. Много у него перенял.

Учеников мы водили по Ельцу строям. Из вновь прибывших запомнились брат и сестра Кондрашины, родом откуда-то из орловского Полесья. Похожи очень друг на друга, красивые,

чернобровые. В строю топали в домашних лаптях. А другие "фэзэушники" носили матерчатые ботинки и казенную одежду из х/б ткани. Обучение проходило на окраине города, в Лучке, в мастерских по ремонту тракторов.

Однажды из родных мест заявился ко мне двоюродный отца, а мне – дядя, *Василий Селиверстович Псарев*. Только что демобилизованный из армии. С просьбой: отремонтировать диски сцепления для его старенькой автомашины-газика. Помню, повел я его в выходной день в упомянутые мастерские. Ключа не было. Влезли через разбитое окно и с грехом пополам наклепали злосчастные диски.

Директором нашей школы ФЗО зимой еще назначили *Владимира Мартемьяновича Морозова*. Бездельник и плут. Поселил свое многочисленное семейство в особо отделанных служебных помещениях. Воровал нещадно. Обеды из ученического котла ему носили прямо в комнаты. Ходил по коридорам, отдуваясь и поковыривая в зубах. Препротивная личность.

Молодые сотрудники школы. Воспитательница Рая Золотухина. Дочь коменданта – Нина Нестерова. Валя Быкова – веселая, очень мне нравилась. Вышла потом за летчика, Героя Советского Союза и уехала с ним в Германию. Сотрудники в возрасте – Бублей Поликарп Васильевич, ст. мастер Голдаев-Аксенов, загадочный человек. Все пристаивал потом к женственному Рыбакову, что стало понятным лишь впоследствии, когда Аксенова вытурили из училища. Старший мастер забубенный Василий Акимович Павлов. Довольно зрелая девица-замполит, демобилизованная из армии. Ходила в шинели и в солдатской одежде. Соблазнила балбеса-ученика Лешку Бобылкина. Вскоре и ее выгнали.

19 марта 1946 года – меня утвердили (как потом выяснилось – временно) старшим мастером школы ФЗО. В том же году 29 октября вновь возвращен на положение мастера. Директором тогда уже был *Анатолий Георгиевич Трехлицкий*, а завучем вскоре стал вечно пьяный *Владимир Григорьевич Триндус*. Умный, знающий, но абсолютно неспособный ни к какому реальному делу. Его сменил жесткий интриган, хотя и неплохой организатор Николай Иванович Попов (с перекошенной шеей). Он стал потом преуспевающим директором вновь организованного на базе нашей школы Ремесленного училища N 2.

Летом на два дня машиной зазвал гостей к нам в деревню. Стыдился замасленной одежды, спрятался в кабину. Со мной шофер Саша, пьяный Триндус и бесстыжий военрук *Гриша Минервин* со своей спутницей-кладовщицей. К ужасу родителей, Гриша развлекался, а Триндус без просыпа пил самогонку (см. запись-воспоминание, сделанную в Железноводске в мае 1977 года – в коричневой дорожной книге).

14 сентября с.г. за работу в тылу в военные годы награжден медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов". В связи с чем теперь именуюсь "ветераном войны". Осенью снял угол у нуждавшейся многодетной вдовы на ул. Ботанической. Там же – застенчивая курсантка школы кружевниц, родом из Долгоруковского района. Очень смиренная. Размазня. Эта квартира была неподходящей. У вдовы часто бывали пьяные гости, однажды видел там Андрея Наумова, младшего дядю моей будущей жены. Андрей служил поваром в ж.д. ресторане, был человеком несчастным и вскоре повесился.

1947

Зимой поселился на ул. Семашко, у стариков-супругов *Выволокиных (фото 3)*. Хозяин – хитрюга, по профессии портной. Обижался, что я демонстративно употреблял сало, чем смущал его взрослого сына-оболтуса. Этот сын однажды привел домой открыто девушку, весьма незастенчивую. Но как был он слюняй, то сия краля быстро его окрутила. Женила на себе. У Выволокиных беспокойно. Завистливые на деньги хозяева пускали в переднюю комнату временных ночевщиков. Шумно и неуютно. В тот период был у меня услужливый ученичок, староста в моей группе, а потом – секретарь комсомольской организации в нашем училище, *Сергей Андреевич Гайтеров*. Сестра его Аня Гайтерова, погибла в партизанском отряде. Ее в Ельце

почитали за героиню. Так вот, мать Сергея пригласила меня как бы временно в свою квартиру, пожить. Но, почувствовав, что это надолго, сама подыскала мне жилище у своей знакомой.

Ею оказалась Александра Ивановна Наумова, будущая моя теща. Дама достойная, но с излишне властным характером. В начале лета я снял у Наумовых комнату, на ул. Л. Толстого, 14. Познакомился с находившейся дома на каникулах Люсей. Благодарен за это судьбе.

1948

Алексей в том году поступил в военное училище в г. Елабуге. Пытался попасть в более приличное в Харькове, но почему-то не удалось. Татарская Елабуга – глушь, а военная профессия по окончании – из самых бросовых.

Работаю мастером в Ремесленном училище N 2 (бывшая школа ФЗО N 8). Почетную грамоту от 30 апреля 1948 года (это для меня как бы памятный лист): подписали директор В.М. Морозов, замполит А.В. Лентюгов и председатель профкома Г.И. Нечаев. В апреле 1948 года принят членом КПСС.

С Люсей я подружился, она мне нравилась. Училась в Москве в медицинском институте – повод для особой гордости ее матери. Мы с Люсей переписывались, встречались, когда она приезжала на побывку и на каникулы. Глава семьи – Василий Николаевич Наумов (1894-1977), мужчина видный, представительный, был главным кормильцем и добытчиком. Заведующий магазином. В доме же своим особым влиянием не пользовался. Командовала всем супруга.

3 ноября 1948 года в Елецком ЗАГСЕ мы с Людмилой Васильевной Наумовой (1924 года рождения), только что окончившей 3-й Московский медицинский институт, зарегистрировали свой брак. Она уже работала врачом в туберкулезном санатории "Шаталовка", в 7 километрах от Ельца. Навещал ее там. Главный врач санатория, хозяйственник *Мотренко Иван Дмитриевич*. По всему видно – плут. Сын его учился тогда в театральном институте в Киеве.

Так называемая свадьба устроена вначале домашним образом, *без гостей*. Через неделю-полторы приехал извещенный обо всем мой отец, привез какое-то *деревенское спиртное*, другие угощения. Был вечер с участием близких родственников невесты. Человек 10-15, не более. *Даже плясали*. Люся до сих пор выговаривает мне, что жених решил сапоги, словно у меня имелся тогда другой выбор.

1949

22 марта. В том году поссорился с исполняющим обязанности директора Н.И. Поповым, оскорбил его. За что тут же понижен – смещен на положение слесаря по ремонту оборудования. Через два дня, 24 марта, освобожден вовсе, потому что меня, узнав о случившемся, пригласил к себе в Ремесленное училище N 4 (в этом же городе на Торговой улице, в то время Третьего интернационала) его директор Венедикт Антонович *Конаев*. 9 апреля – утвержден в этом училище старшим мастером.

В октябре областным управлением направлен в Москву на 6-месячные курсы руководящего состава системы трудовых резервов. Люся уже ожидала ребенка. Перед отъездом условились, что, если будет сын, назовем Сашей, а если дочь – Лариса.

5 ноября – родился Саша (фото 4-5). Тесть, Василий Николаевич, по телеграфу поздравил *«с сыном Александром»*. Через день в Октябрьский праздник после демонстрации на Красной площади (впервые!) я отправился в гости к двоюродным жены Цаповым. Вскоре съездил в Елец, Люсю застал ещё в родильном отделении. Она вынесла ко мне сына. У мальчика материнский овал лица, что я и отметил. Люся, как потом я узнал, была недовольна такой нескром-

ной наблюдательностью. Она считала себя некрасивой, хотя мне она нравилась с самой первой встречи.

1950

Январь-апрель. Продолжаю учиться на курсах в Москве. Живем на Миусах. Есть очень наивный, неумелый дневник. Даже повесть пытался сочинить – теперь ее неловко перечитывать (запись сохранилась!). Впервые работал в Ленинской библиотеке, познакомился с доверенной подшивкой Колпенской районной газеты "Ударник". Из Москвы, а точнее – из Подмоскovie (в Москве на почте не принимали) отправлял посылки с продуктами и необходимыми вещами для Люси и малыша.

Еще зимой меня отыскал в Москве директор Ярищенской МТС Василий Алексеевич Боровлев. Из беседы с ним я узнал, что у моих родителей вот-вот будет ребенок. Помню, что я не очень этому удивился, хотя они были уже в возрасте. Вскоре письмо от отца, что у нас родился *брат Вячеслав (фото 28)*. Письмо церемонное: понимаю неловкость, испытываемую отцом. Он ведь не знал, что мне все давно известно. Сейчас, когда прошло пятьдесят лет, когда Славик стал нам не только заботливым братом, но и как бы вторым сыном, я с благодарностью вспоминаю покойных уже родителей, мудро решившихся на такой нелегкий для них поступок.

С сентября 1948 по июль 1950 года состоял в Ельце в числе слушателей вечернего университета марксизма-ленинизма. Иногда посещал лекции, экзамены сдавал по преимуществу с наскока. Смелый и самоуверенный был. Сейчас передо мной лежит удостоверение об окончании, в котором сплошные пятерки.

15 августа – назначен в Орле инженером по производству областного управления трудовых резервов. Мы с Люсей сразу же решились на переезд в другой город. С тестем и тещей отношения натянутые. Они, по-видимому, считали наш брак неравноправным. Для дочери, с их точки зрения, был бы желанным более *солидный* муж. В Орел меня пригласили начальник управления трудрезервов Петр Семенович Малахов и его заместители Л.В. Лебедев и Н.А. Жаров. Им в управление нужен был практик, в Орле мало кто согласился бы занять такой незначительный пост.

Осенью мы с Люсей, сняв в Орле комнату (на 5-й Курской, 52, у Анциферовых), переехали в Орел. Годовалого Сашу доверили бабушке Александре Ивановне, о чем впоследствии не пожалели. Мальчик провел у нее всю зиму. Люся изредка ездила навещать. Еще в Ельце она по состоянию здоровья перешла на *иную* специализацию: практиковала в качестве детского врача. Переехав в Орел, поступила в городскую детскую поликлинику.

Жили мы в эту зиму-осень трудно. Нет денег. Помню, что сдал тогда в комиссионный магазин *единственный* свой приличный костюм – что-то надо было купить фактически *полураздетой*, и к тому же больной Люсе.

1951

Сашу перевезли в Орел летом. Он ходил еще не вполне уверенно: через высокий порог комнаты перелезал на четвереньках. Предшествующую зиму жили в холодной квартире у Анциферовых.

Я понимал, что надо учиться, приобрести формальную профессию. Иначе положение оставалось бы неопределенным. Осенью поступил в 10-й класс вечерней средней школы. Директор – Костин, классная руководительница – Е. Зима. По математике пришлось прибегнуть к услугам репетитора студента с физического факультета. С другими предметами справлялся самостоятельно.

В том году (о чем я узнал позже) брат Алексей переживал отчаянные трудности. После военного училища внутренних войск его направили в самые гиблые районы Кемеровской области. Бездомность, лейтенантская судьба, обстановка лагерных мест произвели на него потрясающее впечатление. Юноша искренний, с деревенской ментальностью, увидел буквально ад сибирской жизни. Готов был на все. Но хватило его лишь на откровенное письмо нашей младшей сестре Вере. Один из этих листков у меня сохранился. Без боли душевной невозможно читать.

Вера (фото 29) тогда уже училась на стационаре Орловского пединститута. Вначале жила на частной квартире, потом поселилась у нас. Родителям стало легче ее содержать. Люсе, при моих нередких разъездах, помогала жившая у нас в том же году хромая бабка-домработница Надежда Алексеевна. Кое-как убиралась и готовила. Но главное – присматривала за 3-х летним Сашей. Люся целыми днями на работе. Н.А. вздорная, но не вредная старуха. Два лета подряд она даже соглашалась пожить с Сашей в деревне у моих родителей – тоже помогала, иначе бы мать не справилась с двумя детьми.

1952

Весной сняли комнату на ул. Сакко и Ванцетти. Неудобное и временное жилище. Начало лета. Экзамены в школе на аттестат зрелости. Как сумел сдать, ума не приложу. Однако смелость и самоуверенность помогли параллельно даже поступить на заочное отделение Орловского пединститута. Хотел на географический факультет, казалось – будет легче. Но приема на это отделение в тот год не было. Пришлось сдавать на филологический. Отличился тем, что единственный из 200 абитуриентов написал экзаменационное сочинение на 5.

Родители Люси, видимо, смирились с нашим союзом. Цепкость и упорство зятя их подкупили. Да и дочь свою пожалели. Решили попробовать воссоединиться. Сдали свой дом в Ельце и приехали жить в Орел. Но семья у нас не складывалась. Характеры, мой и тещи были явно несовместимы.

19 августа - переведен в том же управлении трудрезервов на должность старшего инспектора отдела училищ и школ. Стал чаще ездить в командировки, по преимуществу в Елец. Однажды во время поездки в Кромы, где у нас тоже имелось учебное заведение, в тамошней районной гостинице познакомился с *В.Г. Сидоровым*, служившим в Орле в областной библиотеке. Эта дружба продолжается вот уже более полувека. В том году пристрастился выступать с лекциями по поручению Общества политических и научных знаний. Из-за небольшого гонорара.

Осенью сняли на 2-й Курской, 78 (фото 9) у *А.И. Сигачева* в аренду половину присвоенного им коммунального дома. Он служил некогда помощником председателя облисполкома, исхитрился завладеть строением – и сдавал половину в наем. Съемщиками выступили покойная теперь тетка Люси, Татьяна Ивановна, тесть и теща: им Сигачевы доверяли больше. Не бездомные, как я.

Той зимой Люся серьезно заболела, у нее открылся туберкулез легких. Тревожное было время. Характер моей подруги нестойкий, часто впадает в панику. Теща, поссорившись с нами, подбила Василия Николаевича, и они возвратились в Елец. Анализируя случившееся, и сам став теперь дедом, сегодня я лучше понимаю стариков Наумовых. Они разрывались между мной и дочерью. Но жесткая по характеру Александра Ивановна приняла крайнее решение. Мы даже не переписывались несколько лет. Тогда я еще более оценил верность Люси: она решительно выбрала меня, а не родителей. Нелегкий был для нее выбор. Оттого, быть может, и не выдержала нагрузки, заболела.

1953

5 марта – узнали о смерти Сталина. Потрясающее событие. Помню митинги с показательными и искренними слезами. Непонятные, но тревожные перемены.

Продолжаю выступать с лекциями в разных аудиториях, по преимуществу о международном положении. Была в этом и материальная заинтересованность. Семья остро нуждалась. Вскоре перестал вносить Сигачеву спекулятивную квартплату (доброжелатели надоумили), посылал ему почтой, установленную госрасценками сумму. Дом был государственной, а не личной собственностью.

В мае 53-го две недели в Ельце. Проводил тотальную инспекторскую проверку ремесленного училища № 3 (новое заведение, при электромеханическом заводе). Акт этой проверки на 50 листах случайно сохранился в моем архиве. Вновь встретился здесь с *Н.И. Поповым*, переведенным в это училище в качестве директора. Раньше эту школу возглавлял умнейший сумасброд *П.В. Соломенцев*. Кроме профессиональных, в училище преподавали и общеобразовательные предметы.

1954

Мои выступления в разных аудиториях замечены. Однажды негласно приходил слушать А.И. Гаврилов, тогдашний лучший лектор обкома партии. Пригласил познакомиться и побеседовать А.М. Некошнов – заведующий лекторской группой. Они искали себе свежих работников. И, хотя я не имел еще высшего образования (только учился), решили предложить меня.

30 августа 1954 года утвержден штатным лектором Орловского обкома КПСС (фото 6).

1 сентября – отозван на партийную работу. Так тогда так именовалась сия кадровая процедура. С тех пор до самой пенсии работал в партийных органах.

Саша лето провел у деревенских дедов. Осенью туда ездила за ним и, как бы в гости, Люся. Едва ли тоже не впервые побывала одна в моем родном доме. Имелся мёд. Сад наш стал уже плодоносить, во всяком случае, вишни было много. Вера, сестра, училась тогда в Орле в пединституте.

1955

Трудно привыкал к новому положению. В обкоме партии по опыту и информированности – младший из младших. Хотя и бойкий, настырный. Жизнь нашей семьи несколько упростилась. Привыкли. Люсю удалось еще раз направить в санаторий. Родители Черновы нелегко жили в ожидании помощи от взрослых уже детей. Не помню, в этом году, или позже, Вера по окончании института получила назначение в школу в Фошне Колпнянского р-на, еженедельно бывала дома. Предшествующую зиму она жила в Орле у нас, на 2-й Курской. По-видимому, весной 1952 года отец обзавелся пчелами. Лет 25 потом этим занимался. В конце срока пасека насчитывала два десятка ульев.

Открылось движение автобусов от ст. Поныри до Колпны. Что существенно упрощало сообщение с родителями.

1956

Март – отпуск в Мисхоре. Первый раз в жизни отдыхал у моря (*На самом деле, судя по фотографии (фото 7), он первый раз отдыхал в Гагре в 1955 г. А.Ч.*). Саша пошел в том году в школу в 1-й класс (фото 8).

Тем же летом мы с отцом приняли решение перестраивать свой деревенский дом. Старый обветшал и становился непригодным. Выхлопотал разрешение спилить в Яковке два велико-возрастных дуба для раскряжовки и изготовления стенового каркаса. Спилить, разделить на кряжи, перевезти – это была бы и теперь проблема. Тогда – истинный героизм, все равно, что

слетать в космос. Помню, сколько было мытарств, переговоров с предколхозами, у которых нужно выпрашивать трактор и т.д.

Алексей поступил заочно в Иркутский университет, окончил в 1962-м. Служил уже в Ангарске.

1957

Начиная с 1957 года, публиковал в орловских газетах, в других повременных изданиях, коллективных сборниках статьи и материалы по вопросам литературы, истории, краеведению, публицистические работы. Есть ранний их список (в личном архиве и более полный – в компьютере. Файл – bibliogr.).

В мае-июне сдавал госэкзамены в пединституте. Получил диплом с "отличием". Продолжается заготовка стройматериалов для нового дома в деревне. Добываю лес, доски, краску, шифер и т.д. Боясь, что поспешно сломают хату нашего детства, и забудем, как она выглядела, я поручил тогдашнему корреспонденту "Орловской правды" Лапонову Ал. Аф. сделать фотоснимок. Теперь он висит у нас в Москве, и каждый день смотрю на него (фото10).

1958

17 апреля – заключил с Орловским книжным издательством договор о написании работы «По литературным местам Орловщины», объемом в 4,5 печ. листа. Директор издательства И.И.Солдатов, гл. редактор С.В.Коробков.

В том году купил себе простую, но надёжную фотокамеру «Москва». Начал формировать собственный фотоархив (фото 11). Печатать и увеличивать меня обучил сослуживец по отделу пропаганды обкома КПСС Василий Григорьевич Овсянников. Мы занимались этим у него дома, в ванной комнате. Василий, теперь покойный, был терпимым, добродушным товарищем.

У нас с Люсей поочередно жили в те годы в некотором роде домработницы. Вначале Надежда Алексеевна, старуха-инвалид. Потом дурковатая Дуся. Эта умела печь вкусные "беляши", которые мы с Сашей разыгрывали иногда в шахматы: проигравший преподносил партнеру стакан чая и теплый "беляш". Наконец, жила некоторое время плутоватая рыжая деваха, по фамилии помню – Якунина. "Баба Надя" соглашалась два, или три лета ездить с Сашей в деревню, иначе мать не смогла бы управляться с двумя малолетними мальчишками – Сашей и Славиком.

Июль-август – отдыхали вдвоем с Люсей в санатории "Приморье" в Сочи. Впервые провели отпуск вместе, хотя ей пришлось без путевки разместиться в доме сотрудников частным образом. Фотоаппаратом "Москва-5" и у моря сделаны первые видовые фотографии.

Весна и лето (с перерывами) на строительстве дома в деревне. К осени вчерне он почти доведен до состояния жилого. Родители зимовали хотя и в неотделанном, но теплом жилище. Глубокой осенью мы вдвоем с Алексеем навестили их. Я ездил в Городецкое и другие села, читал там лекции. Памятная фотокарточка в санках, запряженных сивым меринком.

Алексей служил в Ангарске. Раза два перед этим, приезжая на родину в отпуск, гостил по нескольку дней и у нас в Орле. Помню, что Люся очень хлопотала женить его. Однако не удалось в тот раз, как и впоследствии.

1959

Начиная с января, ожидали получения обещанной благоустроенной квартиры в Орле. Дело тянулось мучительно долго. В это время я усиленно пробивался поступить на учебу в

Москве, в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Были сложности с получением рекомендации от обкома, подготовкой к конкурсным экзаменам, с оформлением справки о состоянии здоровья.

С последним пунктом – загвоздка: в поликлинике я числился по тогда уже подтвержденному заболеванию – сирингомиелии. Требовалось сие затушевать, иначе отклонили бы мои домогательства. Впоследствии местный стукач, Вася Овсянников, доносил, что, де, Чернов обманно поступал в Академию. Сам Вася просто не смог выдержать экзаменов.

Переехали в новую квартиру (ул. Больничная, 15 а, кв.11) в последних числах апреля. Сколькo мороки с переездом, перевозом вещей! Одних книг было до 15 огромных ящиков. А обустройство! Чего это стоило, знаем лишь мы с Люсей. У меня счастливая способность: быстро забываю тяжести пережитого. А впечатлительная Люся до сих пор вспоминает.

Одновременно с этим готовился к конкурсу. Ездил дважды в Москву на разведку и консультации. Иностраннyй язык (немецкйй) готовил с приглашенной на дом преподавательницей Внуковой, сестрой врача, Люсиной коллеги. Обком партии отпускал меня в аспирантуру неохотно: дескать, пусть еще поработает, успеет на учебу.

Летом благополучно выдержал экзамены. 20 августа утвержден аспирантом Академии общественных наук (присланное в Орел решение ЦК КПСС подписал неведомый мне в то время Л. Брежнев). Получил общежитие. На первом курсе жили на Садово-Кудринской, 9. Вместе в сдвоенной комнате с Альбертом Беляевым, приехавшим из Мурманска. Люся и Саша посещали меня на каникулах, а то и просто в выходные дни. Саша впервые побывал тогда в Москве. Знакомство начали с осмотра Кремля.

На 1-м курсе по кафедре литературы и искусства, кроме меня и Беляева, приняты Е.Кривицкий, Н.Зарипов, Н.Алексеева, В.Росяев, таджик – Рахматуллаев. Несколько "демократов" (болгары Т.Тонев и Н.Баяджиев, венгр Шандор Папп, чех Ярослав Гес, монгол С.Лубсанвандан) (фото 14).

Осенью в Орле вышла моя первая книжка "Литературные места Орловской области". 127 с. (ред. З. Сидельникова).

1960

Новый год встречали в Москве всем семейством. Люся с Сашей приезжали в гости. Ходили в театры, на елку, во Дворец спорта. Посетили Цаповых и Хрустальных. Курсовые и первые кандидатские экзамены. На моих зимних каникулах я побывал в Орле. Люсе там одной пришлось нелегко – она непривычна жить без плотной опеки. Продолжаем благоустраивать квартиру на Больничной улице.

В феврале прислана из Парижа (с оказией, через А.В. Храбровицкого) роскошная рецензия на "Орловские литературные места", подписанная неким А.Г. Савченко (Дедовым), в тамошней русскоязычной газете. Предмет моей долговременной гордости. Это подхлестнуло историко-литературные и краеведческие изыскания. Стал посещать московские хранилища и рукописные фонды библиотек. Положено основание моего теперешнего научного архива.

Побывал в качестве стажера в редакции журнала "Знамя". По подсказке своих преподавателей В.В. Новикова и И.С. Черноуцана познакомился с заправлявшим всеми делами в редакции В.К. Панковым, их приятелем. Главный редактор Вадим Кожевников бывал в журнале реже "ясного месяца" в непогоду. Тогда же здесь встретил юного, начинавшего в ту пору литературного критика Льва Аннинского. В это время в Академии еще учился мой бывший орловский коллега Иван Левыкин. Иногда виделись с ним, чаще всего "за столом", хотя оба не любители таких "процедур".

Лето в Орле, в Москве и в деревне. Есть фотографии с недостроенной еще, а потом и с отделанной уже верандой. Привез из Москвы цветные стекла для витражей. При каждом случае посылал тогда отцу разнообразные строительные причиндалы. Очень радовался, что родители, наконец, обрели под старость более надежное жилище (фото 11).

1961

В Орле вышел "Тургеневский сборник" под ред. акад. М.П. Алексеева (подписан к печати 30.1.61 г.). Там моя первая, что называется, научная статья ("О памятнике И.С. Тургеневу в Орле").

Весной работал над публикацией о Викторе Якушкине. Письма С.А. Рейсеру. Терял и других маститых. Статья "Об одном знакомстве И.С. Тургенева" напечатана в 8-й книжке журнала "Вопросы литературы". Стоила многих литературных и организационных усилий. Не верили, сомневались. Посылал и другие *мелкие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.